Дата поступления рукописи в редакцию: 12.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 25.09.2026 г.

DOI: 10.24412/2782-3849-2026-9-239-249

ТАРАСОВ Александр Анатольевич,
старший преподаватель Департамента уголовного права, процесса и криминалистики Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0000-0078-9276-5211, ResearcherID: T-8912-2023, Scopus AuthorID: 82640173651, e-mail: tarasov.aa@hse.ru

ТАРАСОВ Евгений Александрович,
студент Факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), ORCID:0009-0006-8717-4995, e-mail: evaltarasov@edu.hse.ru

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ОСНОВАМ ТЕРРОРИЗМА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена устойчивым ростом угрозы финансирования терроризма в условиях глобализации финансовых потоков и цифровизации экономики. По данным МВД России, в 2025 году зарегистрировано 5920 преступлений террористического характера (рост на 59,4 % к 2024 году), за 1 полугодие 2026 года — 3400 (рост на 39,1 %). В Китае же индекс глобального терроризма снизился с 6,68 в 2015 году до 1,31 в 2025 году. Цель работы — комплексный сравнительно-правовой анализ уголовно-правового механизма КНР по противодействию экономическим основам терроризма с выявлением положительного и проблемного опыта и оценкой потенциала российско-китайского сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС. Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, системно-структурный и формально-юридический методы. Установлено, что КНР создала развитую трехуровневую антитеррористическую правовую базу, однако эффективность финансового блока ниже, чем в России, что подтверждается оценками ФАТФ. Россия опережает Китай по дифференциации составов и суровости санкций, но может заимствовать китайский опыт консолидации ведомств и профилактической дерадикализации. Обоснована необходимость гармонизации определений финансирования терроризма в рамках ШОС и разработки модельного закона БРИКС с учетом новых технологических угроз.*

Ключевые слова: *финансирование терроризма, уголовное право КНР, сравнительно-правовой анализ, ШОС, БРИКС, целевые финансовые санкции, дерадикализация, отмывание доходов.*

TARASOV Aleksandr Anatolyevich,
Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Procedure and Criminology, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

TARASOV Evgeny Aleksandrovich,
Undergraduate Student at the Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University)

CHINA'S EXPERIENCE IN CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO THE ECONOMIC FOUNDATIONS OF TERRORISM

Annotation. *The relevance of the study is determined by the steady growth of the threat of terrorism financing amid the globalisation of financial flows and the digitalisation of the economy. According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3,714 terrorist related crimes were registered in 2024 (a 55.9 % increase compared to 2023); over the first nine months of 2025, this figure reached 4,467 (a 75 % increase). In China, the Global Terrorism Index decreased from 6.68 in 2015 to 1.31 in 2025. The aim of the paper is to conduct a comprehensive comparative legal analysis of the PRC's criminal law mechanism for countering the economic foundations of terrorism,*

identifying both positive practices and problematic aspects, and to assess the potential for Russian Chinese cooperation within the SCO and BRICS frameworks. The methodological basis includes comparative legal, system structural, and formal legal methods. It has been established that the PRC has developed a sophisticated three tier antiterrorism legal framework; however, the effectiveness of its financial component is lower than that of Russia's, as confirmed by FATF assessments. Russia surpasses China in terms of differentiation of criminal offences and the severity of sanctions, but it could adopt China's experience in consolidating agencies and implementing preventive deradicalisation measures. The paper substantiates the need to harmonise definitions of terrorism financing within the SCO framework and to develop a BRICS model law taking into account emerging technological threats.

Key words: *terrorism financing, criminal law of the PRC, comparative legal analysis, SCO, BRICS, targeted financial sanctions, deradicalization, money laundering.*

Введение

Угроза финансирования терроризма приобретает качественно новый характер в связи с глобализацией финансовых потоков, развитием криптовалют и цифровых платежных систем, появлением нелегальных каналов трансграничного перемещения средств. По данным ФАТФ, финансовая составляющая терроризма переплетается с транснациональной организованной преступностью и киберпреступностью, что требует комплексного межгосударственного подхода [1].

Статистика МВД России свидетельствует о выраженной негативной динамике. Так, в 2024 году зарегистрировано 3 714 преступлений (+55,9 % к 2023 году), в 2025 году — 5 920 (+59,4 %), за первое полугодие 2026 года — около 3,4 тыс. (+10,2 % к аналогичному периоду 2025 года). Анализ показывает, что после взрывного роста в 2024–2025 годах темпы увеличения замедляются, однако абсолютный показатель продолжает расти. Количество зарегистрированных терактов (ст. 205 УК РФ) выросло с 410 в 2023 году до 1 191 в 2024 году. В 2025 году совершено 1 830 терактов (+53,7 %), преимущественно за счёт атак беспилотников и обстрелов гражданских объектов [2].

Индекс глобального терроризма (GTI) для России составил 6,27 в 2024 году и 5,59 в 2025 году, что отражает одно из наиболее высоких значений в мире [3].

В российской структуре террористических преступлений преобладают публичные призывы к террористической деятельности (26,19 %), на втором месте — террористический акт (17,21 %), на третьем — организация деятельности террористической организации и участие в ней (16,24 %) [4].

В Китае наблюдается принципиально иная динамика. Индекс глобального терроризма для Китая снизился с 6,68 в 2015 году до 1,86 в 2024 году и 1,31 в 2025 году [3]. По официальным данным китайской стороны, в Синьцзяне — ключевом регионе антитеррористических усилий — не зафиксировано ни одного теракта с 2017 года [5]. Согласно докладу Государственного департамента США, в 2024 году на территории КНР не зафиксировано ни одного террористического инцидента или уголовного преследования за преступления террористического характера [6].

Таким образом, сопоставление показывает, что если Россия сталкивается с количественным ростом террористической угрозы, то Китай достиг практически полного подавления террористической активности на своей территории, что объясняется сочетанием превентивных мер массового характера, цифрового контроля и программ дерадикализации. Следует также подчеркнуть, что Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются ключевыми партнерами в рамках ШОС и БРИКС, объединенными общей глобальной задачей противодействия «трем силам» (терроризм, сепаратизм, экстремизм), концепция которой закреплена в Шанхайской конвенции 2001 года [6].

В этой связи цель настоящего исследования состоит в проведении комплексного сравнительно-правового анализа уголовно-правового механизма КНР по противодействию экономическим основам терроризма, выявить положительные и проблемные аспекты китайского опыта, сопоставить их с Российским законодательством и оценить потенциал сотрудничества в рамках ШОС и БРИКС.

1.Антитеррористическое законодательство КНР

Антитеррористическая правовая система КНР имеет трехуровневую структуру.

Первый уровень образуют международно-правовые акты, ратифицированные КНР: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997 г.), Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.) и Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г., впервые давшая единые определения «трех сил» для государств-участников [6].

Второй уровень — национальное законодательство: Конституция КНР, Закон «О национальной безопасности» (2015 г.), УК КНР в редакции 1997 г. с последующими поправками и Закон «О борьбе с терроризмом», принятый 27 декабря

2015 г. и вступивший в силу 1 января 2016 г., состоящий из 10 глав и 97 статей [7].

Статья 3 данного Закона впервые дала легальное определение терроризма как «любые убеждения или действия, которые предназначены для достижения политических, идеологических и других целей посредством насилия, диверсии, угроз и других способов, которые сеют в обществе панику, создают угрозу общественной безопасности, покушаются на здоровье и собственность или направлены на то, чтобы принудить государственные органы и международные организации» [8].

Часть 2 ст. 3 определяет террористическую деятельность через перечень деяний, включающий организацию, планирование, подготовку и осуществление действий, влекущих гибель людей или значительный ущерб; пропаганду терроризма; организацию, руководство и участие в террористической организации; предоставление финансирования, материальных ресурсов и технической поддержки [8].

Третий уровень — региональное законодательство СУАР: Меры «О реализации Закона КНР о борьбе с терроризмом», Положение «О дерадикализации» и Положение «О борьбе с экстремизмом», детализирующие общенациональные нормы применительно к региональной специфике [9]. До принятия Закона 2015 г. и Постановления ПК ВСНП 2011 г. в китайском законодательстве отсутствовало легальное определение террористической организации, что создавало проблемы квалификации [10].

Эффективность функционирования трехуровневой системы подтверждается официальной китайской статистикой. Так, по данным Государственного совета КНР (2019 г.), с 2014 г. в СУАР уничтожено 1588 вооруженных и террористических группировок, арестовано 12 995 террористов, изъято 2052 взрывных устройства [11], а с 2017 года не зафиксировано ни одного террористического акта.

2. Уголовно-правовая регламентация в КНР

Уголовный кодекс КНР содержит систему норм о террористических преступлениях, формировавшуюся поэтапно через поправки, отражающие эволюцию угроз и международно-правовых обязательств.

Статья 120 УК КНР устанавливает ответственность за организацию, руководство и участие в террористической организации: организаторы и руководители наказываются лишением свободы на срок 10 лет и более либо пожизненным заключением; активные участники — от 3 до 10 лет; другие участники — до 3 лет, арестом, надзором или лишением политических прав. При совершении дополнительно преступлений убийства, взрыва, похищения человека применяется правило совокупности [12].

Статья 120-1 УК КНР (введена Поправкой III, декабрь 2001 г.) криминализирует финансирование террористической деятельности: «Лица, оказывающие финансовую помощь террористической организации или лицам, занимающимся террористической деятельностью, наказываются лишением свободы на срок до 5 лет, арестом, надзором или лишением политических прав и дополнительно — штрафом; при отягчающих обстоятельствах — наказываются лишением свободы на срок 5 лет и более и дополнительно — штрафом либо конфискацией имущества» [10].

В случае совершения преступления организацией к ней применяется штраф, а непосредственные руководители несут ответственность по ч. 1 данной статьи [12].

Статья 191 УК КНР регламентирует отмывание денежных средств; Поправкой III терроризм включен в перечень предикативных преступлений. Статья предусматривает пять форм отмывания: предоставление финансового расчетного счета; содействие в обращении имущества в денежные средства или векселя; содействие в переводе средств со счета на счет; содействие в переводе средств за границу; утаивание источников и характера доходов, полученных преступным путем [10].

Поправка IX (август 2015 г.) криминализировала приготовление к террористической деятельности (ст. 120-2), пропаганду терроризма и экстремизма (ст. 120-3), использование экстремизма для срыва правоприменения (ст. 120-4), понуждение к ношению символики (ст. 120-5), незаконное владение материалами, пропагандирующими терроризм (ст. 120-6) [13].

Специфика китайского подхода состоит в отсутствии отдельного состава «террористический акт», аналогичного ст. 205 УК РФ. Преступления террористической направленности состоят, во-первых, из преступлений со словом «терроризм» в названии (ст. 120, 120-1 — 120-6, ст. 291), во-вторых, из обычных уголовных деяний (убийство, взрыв, поджог, похищение человека), которые при определенных признаках квалифицируются как террористические [14].

По данным ФАТФ, от 2011 до 2016 г. в Китае зарегистрировано 75 террористических инцидентов, повлекших гибель 545 человек; количество арестованных за финансирование террористической деятельности в 2016 г. увеличилось почти вдвое по сравнению с предыдущим годом, однако абсолютные числа остаются небольшими [15]. После принятия Закона 2015 г. «возросло количество судебных преследований и обвинительных приговоров за финансирование терроризма» [16].

3. Эффективные государственно-правовые институты КНР в сфере борьбы с терроризмом

Комплексный подход, сочетающий уголовное, административное и профилактическое законодательство, — ключевая особенность китайской модели. Закон «О борьбе с терроризмом» 2015 г. не ограничивается репрессивными мерами, а включает главы о предотвращении, разведке, расследовании, реагировании и международном сотрудничестве. Региональное законодательство СУАР дополняет эту систему механизмами дерадикализации. Эффективность подтверждается статистикой. Индекс глобального терроризма снизился с 6,68 в 2015 г. до 1,31 в 2025 г., в СУАР с 2017 г. не зафиксировано ни одного теракта [5].

Система конфискации получила высокую оценку ФАТФ: «Китай демонстрирует активное сотрудничество и координацию на политическом и законодательном уровнях»; «у Китая, в отличие от других стран, реализована возможность конфисковать имущество даже в тех случаях, когда преступник скрылся из страны или умер» [16].

Институциональная консолидация обеспечивает четкую координацию между Министерством общественной безопасности (МОБ), Министерством государственной безопасности (МГБ) и Народным банком Китая (НБК) через единый руководящий орган [17]. Развитая база для взаимной правовой помощи и экстрадиции также отмечена ФАТФ: «в Китае имеется развитая законодательная и нормативная база для запроса и предоставления взаимной правовой помощи, которая используется на практике (в том числе, для экстрадиции)» [16].

Стратегия вовлечения общества, закрепленная в ст. 5 Закона «О борьбе с терроризмом», предусматривает волонтерские отряды в общинах, систему информаторов, образовательные программы по выявлению признаков радикализации [17]. На международном уровне КНР ратифицировала все ключевые антитеррористические конвенции ООН и играет активную роль в ШОС [6].

4. Коллизия и системные недостатки уголовно-правового регулирования противодействия терроризму в КНР

Критическое осмысление нормативного массива Китайской Народной Республики в сфере обеспечения общественной безопасности позволяет выявить ряд латентных противоречий, имманентно присущих современной китайской модели антитеррора.

Так, по оценке ФАТФ, «три существенных недостатка отрицательно сказываются на применении адресных финансовых санкций за финансирование терроризма»: недостаточный охват требований всех субъектов; ограниченные виды активов, которые могут быть заморожены; отсутствие механизма безотлагательного применения санкций в отношении лиц, включенных в списки зарубежными и (или) международными структурами [16].

Низкая эффективность финансового мониторинга подтверждается сравнительным анализом: «самые высокие оценки уровня эффективности получила Россия, самые низкие — Китай» [18]. В секторе УНФПП «институты онлайн-кредитования не имеют понимания рисков ОД/ФТ и своих обязанностей», а «отчеты о подозрительных транзакциях со стороны финансового сектора экономики практически отсутствуют» [16].

Национальный список террористов не обновлялся с 2012 г.: «китайские власти приняли некоторые меры на законодательном уровне, позволяющие включать потенциальных террористов в национальный список, однако эта возможность не использовалась с 2012 года» [16].

Широкие дискреционные полномочия полиции и ограничения процессуальных прав подозреваемых вызывают критику со стороны «Human Rights Watch», Европейского парламента и правительства Германии [17]. Проблема прозрачности юридических лиц выражается в том, что «отсутствует детальное понимание рисков ОД/ФТ в отношении каждого типа юридических лиц, а также возможность обхода юридическими лицами процедуры регистрации» [16].

В целом по состоянию на 2019 г. Китай имел 6 несоответствующих рекомендациям ФАТФ и оставался в режиме усиленного мониторинга [19].

5. Сравнительно-правовой анализ антитеррористического законодательства РФ и КНР как базис двустороннего сотрудничества

Сравнительный анализ диспозиций и санкций в УК РФ и уголовном праве КНР (с учетом новелл китайского антитеррористического закона) позволяет выявить общие доктринальные подходы к оценке материальных составов преступлений. В этом контексте фиксация различий в криминализации содействия терроризму приобретает особое прикладное значение. Концептуальное единство дефиниций на национальном уровне — это обязательное условие для беспрепятственного обмена оперативной информацией между правоохранительными органами и финансовыми регуляторами (в частности, Росфинмониторингом).

Так, криминализация финансирования терроризма в Китае осуществляется через ст. 120-1 УК КНР (введена Поправкой III в 2001 г.) с наказанием до 5 лет (основной состав) или 5 лет и более при отягчающих обстоятельствах.

В России финансирование терроризма

включено в ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ с наказанием от 8 до 15 лет, а при квалифицирующих обстоятельствах — вплоть до пожизненного. Определение дано в примечании 1 к ст. 205.1 УК РФ: «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360» [20].

Таким образом, в России финансирование — более тяжкое преступление с суровыми санкциями; в Китае — более широкий охват действий, но мягче санкции. Вовлечение и содействие в российском праве представлены дифференцированными составами: ст. 205.1 (склонение, вербовка, подготовка, пособничество), ст. 205.2 (публичные призывы), ст. 205.3 (обучение), ст. 205.4 (организация сообщества), ст. 205.5 (участие в сообществе). В Китае эти деяния охвачены ст. 120 и примыкающими нормами Поправки IX без отдельных составов [13].

Отмывание в Китае регулируется ст. 191 (терроризм как предикат с 2001 г.), в России — ст. 174, 174.1 УК РФ и Федеральным законом № 115-ФЗ, устанавливающим обязанности финансовых организаций по идентификации клиентов и сообщению о подозрительных операциях [21].

При этом оценки ФАТФ кардинально расходятся. Россия получила «самые высокие оценки уровня эффективности», Китай — «самые низкие» [18].

Статистика правоприменения также различается. По данным МВД России, в 2024 г. раскрыто 1634 террористических преступления (43,9 % от зарегистрированных); осуждено по ст. 205 УК РФ 75 человек (основная квалификация) и 57 (дополнительная) [3][4]. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2023 г. по ст. 205.1 осуждено 24 человека (ч. 1) и 117 (ч. 2), по ст. 205.2 — 23 (ч. 1) и 113 (ч. 2) [22].

В Китае официальная статистика осужденных публикуется нерегулярно; Верховный народный суд в отчете за 2017 г. отошел от практики публикации таких данных [23]. При этом коэффициент обвинительных приговоров в КНР в 2022 г. составил 99,95 % [24].

Финансовый мониторинг в России демонстрирует значительные объемы блокировки: по данным Росфинмониторинга, в 2024 г. в перечень включено 3165 физических лиц и 80 организаций, заморожено активов на 245 млн рублей, а по состоянию на 31 декабря 2024 г. в перечне числилось более 16 тыс. физических лиц и свыше 800 организаций [25]. В 2025 г. включено 4011 физических лиц и 197 организаций, заморожено активов на 577 млн рублей; по состоянию на 31 декабря 2025 г. — 19,5 тыс. физических лиц и 820 организаций [26].

Институциональные модели различаются. В Китае координация осуществляется через единый руководящий орган с участием МОБ, МГБ, НБК и Народной вооруженной полиции; в России координатор — Национальный антитеррористический комитет во главе с ФСБ, финансовую разведку осуществляет Росфинмониторинг, расследование — СК и МВД, надзор — Генпрокуратура [27].

Освобождение от ответственности в России предусмотрено примечанием 2 к ст. 205.1 УК РФ при своевременном сообщении органам власти; в Китае — для участников, добровольно вышедших из организации и содействовавших раскрытию. Сходство проявляется в том, что обе страны — участники ШОС, ратифицировали Шанхайскую конвенцию 2001 г.; обе относят ФТ к тяжким преступлениям; обе связывают терроризм с экстремизмом и сепаратизмом; в обеих ранее отсутствовало четкое легальное определение терроризма. Различия: в России — больше дифференцированных составов, выше санкции, предусмотрено пожизненное заключение за ФТ; в Китае — меньше отдельных составов, но шире охват, более развита система заочной конфискации, выше контроль над СМИ и интернетом, но ниже оценки ФАТФ [18].

Сближение уголовно-правовых подходов РФ и КНР закономерно масштабируется на многосторонний уровень в рамках евразийской интеграции, где ШОС создает наиболее развитую в Евразии международно-правовую базу для противодействия финансированию терроризма. Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. впервые дала единые определения "трех сил".

Так, определение терроризма в ст. 1 охватывает «любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [6].

Концепция сотрудничества государств-членов ШОС (5 июля 2005 г.) закрепила цель «противодействие финансированию в любых формах

терроризма, сепаратизма и экстремизма» и задачу создания «единого перечня запрещенных организаций с последующей конфискацией их имущества и финансовых средств». Конвенция ШОС против терроризма (16 июня 2009 г.) содержит специальную статью, согласно которой стороны принимают меры, включающие: «1) регистрацию данных о клиентах, финансовых операциях и хранение этих сведений; 2) представление в уполномоченные Стороной органы сведений о подозрительных и экономически нецелесообразных операциях и сделках; 3) приостановление по предписанию правоохранительных или иных определенных Стороной органов финансовых операций, имеющих незаконный, подозрительный или экономически нецелесообразный характер; 4) представление сведений и документов по запросам суда, органов прокуратуры, предварительного расследования и иных уполномоченных Стороной органов» [28].

Конвенция ШОС по противодействию экстремизму (2017 г.) дала единое определение «финансирования экстремизма» и единый список экстремистских организаций [29].

Институциональная база представлена Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС ШОС), созданной в 2004 г. в Ташкенте. Ее задачи — формирование банков данных о террористических организациях, источниках и каналах их финансирования; содействие в оперативно-розыскных мероприятиях; координация совместных учений «Мирная миссия» (с 2005 г.) [30].

РАТС взаимодействует с Контртеррористическим управлением ООН, Интерполом и Евразийской группой (ЕАГ). Однако, как отмечают исследователи, «сотрудничество ШОС в сфере противодействия терроризму все еще находится на низком уровне: хотя ШОС выпустила множество деклараций и юридических документов, их реализация идет относительно медленно» [17].

Вместе с тем, отсутствие механизма быстрого реагирования и необходимость перехода от формального сотрудничества к реальным совместным операциям остаются нерешенными.

Антитеррористическое сотрудничество в рамках БРИКС прошло путь от декларативных заявлений к нормативно закрепленному порядку. Проблематика фигурирует во всех декларациях саммитов с 2009 г.

В 2016 г. создана Рабочая группа БРИКС по антитеррору (РГАТ).

В 2019 г. в ее составе образовано пять подгрупп: по противодействию финансированию террористической деятельности; по борьбе с использованием Интернета в террористических целях; по предотвращению радикализации; по вопросу иностранных террористов-боевиков; по наращиванию правоохранительного потенциала.

В 2020 г. принята Антитеррористическая стратегия БРИКС [31], в 2021 г. — План действий БРИКС по борьбе с терроризмом. Стратегия устанавливает принципы: уважение суверенитета, ведущая роль ООН, отказ от двойных стандартов. Государства должны «принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы любое лицо, которое участвует в финансировании, планировании, подготовке или совершении террористических актов или в поддержке террористических актов, было привлечено к правосудию» [31].

Казанская декларация XVI Саммита (октябрь 2024 г.) в п. 49 констатирует: «Мы призываем к расширению диалога в рамках БРИКС по вопросам отмывания доходов, полученных преступным путем, и противодействия финансированию терроризма с участием соответствующих заинтересованных сторон», а в п. 50 подчеркивает приверженность «предотвращению и борьбе с незаконными финансовыми потоками, отмыванием доходов, полученных преступным путем, финансированием терроризма, незаконным оборотом наркотиков, коррупцией и использованием новых технологий, включая криптовалюты, в незаконных и террористических целях» [32].

Декларация XVII Саммита (Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) подтверждает: «Мы вновь подтверждаем нашу приверженность борьбе с терроризмом во всех его формах и проявлениях, включая трансграничное перемещение террористов, финансирование терроризма и безопасные убежища» [33].

Россия — «активный участник международной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма» [18]. Оба государства — одновременно участники ШОС и БРИКС, что создает уникальную возможность для конвергенции подходов. БРИКС фокусируется на новых угрозах: криптовалюты, кибертерроризм, трансграничное перемещение боевиков. Расширение БРИКС с 2024 г. за счет Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ, Египта, Эфиопии, а с 2025 г. — Индонезии и стран-партнеров усиливает коллективный потенциал [33].

В отличие от конвенционных механизмов ШОС, нормативная база БРИКС базируется на инструментах "мягкого права" — многосторонних декларациях, стратегиях и планах действий, лишенных жесткой юридической императивности. Этот фактор накладывает определенные ограничения на обязательность исполнения совместных решений. Если ШОС обеспечивает строго структурированный, юридически обязывающий фундамент региональной безопасности, то потенциал БРИКС сосредоточен в плоскости гибкой политической координации и выработки общих доктринальных подходов к отражению новых вызовов.

Заключение

Резюмируя результаты проведенного компаративистского исследования, можно констатировать, что в Китайской Народной Республике сформирована комплексная трехуровневая антитеррористическая правовая база, высокая практическая эффективность которой эмпирически верифицируется перманентным снижением индекса глобального терроризма (GTI) с 6,68 балла в 2015 году до 1,31 балла по итогам 2025 года, а также полной ликвидацией открытых проявлений террористической активности в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) начиная с 2017 года.

Конструктивный государственно-правовой опыт Китая аккумулирован в обеспечении жесткого концептуального единства законодательства, институциональной консолидации ведомств, нормативном развитии механизмов заочной конфискации активов, создании развитой базы для взаимной правовой помощи и экстрадиции, а также в реализации стратегий вовлечения гражданского общества и упреждающих программ дерадикализации.

Вместе с тем сравнительный анализ показал, что китайские инструменты финансового контроля уступают российским аналогам. Данный дисбаланс подтверждается официальными оценками ФАТФ, выявившими несоответствие правовой системы КНР шести ключевым Рекомендациям, что обусловило нахождение государства под процедурой усиленного мониторинга. К числу латентных уязвимостей китайской модели ПОД/ФТ относятся не только слабая реализация целевых санкций и низкое качество фиксации подозрительных транзакций, но и более глубокие системные дефекты. Среди них особую тревогу международных регуляторов вызывают несоответствие глобальным стандартам прозрачности юридических лиц в части бенефициарного владения, а также критическое отсутствие обновлений национального списка террористов, который не актуализировался на государственном уровне КНР с 2012 года.

На этом фоне Российская Федерация демонстрирует более глубокую доктринальную дифференциацию материальных составов преступлений в рамках Особенной части Уголовного кодекса РФ (ст. 205–205.5 УК РФ), существенно опережая КНР по оценкам ФАТФ и реальным объемам блокировки преступных активов.

Так, объем замороженных Росфинмониторингом средств террористических ячеек по итогам 2025 года достиг 577 млн рублей, что выглядит фундаментально на фоне скромных латентных показателей Китая. Высокая динамика выявления угроз подтверждается и сведениями ФКУ «ГИАЦ» МВД России, согласно которым в 2024 году было зарегистрировано 3 714 преступлений террористического характера, а за девять месяцев 2025 года данный показатель возрос до 4 467 деяний, в то время как Росфинмониторинг в течение 2025 года превентивно включил в национальный перечень причастных к экстремизму и терроризму лиц 4 011 физических лиц и 197 организаций. В плоскости двустороннего взаимодействия Россия может успешно заимствовать китайский опыт межведомственной интеграции, механизмы профилактической дерадикализации на ранних стадиях и уголовно-процессуальный институт заочной конфискации имущества.

При этом на макрорегиональном уровне нормативно-правовое пространство ШОС, базирующееся на Шанхайской конвенции 2001 года, Конвенции 2009 года и Конвенции по противодействию экстремизму 2017 года, создает наиболее прочный международно-правовой фундамент в Евразии, однако практическая реализация и имплементация совместных решений на национальном уровне все еще демонстрируют замедленные темпы.

Напротив, платформа БРИКС активно усиливает гибкий политический диалог по линии пресечения финансирования терроризма, особенно в отношении новых технологических вызовов, таких как криптовалюты и кибертерроризм, но остро нуждается в трансформации режимов «мягкого права» в юридически обязывающие форматы. На основе изложенного в качестве прикладных рекомендаций предлагается инициировать гармонизацию определений финансирования терроризма в рамках ШОС для исключения коллизий при ведении совместных расследований и реализации программ взаимной правовой помощи, разработать проект Модельного закона БРИКС «О противодействии финансированию терроризма с учетом использования инновационных технологий» для перекрытия каналов трансграничного перемещения цифровых финансовых активов, а также сформировать наднациональный механизм быстрого реагирования ШОС на инциденты, связанные с латентным трансграничным движением террористических средств, обеспечивающий моментальную блокировку подозрительных счетов по запросу национальных разведок стран-участниц.

Список литературы:

[1] FATF. Guidance on Risk-Based Supervision. – Paris: FATF, 2021. – 96 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-supervision.html (дата обращения: 09.09.2026).

[2] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2024 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. –

Москва : МВД России, 2025. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ ; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – Москва : МВД России, 2026. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ ; Состояние преступности в России за январь–июнь 2026 года / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД России. – Москва : МВД России, 2026. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).

[3] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[4] Яковлев, В. В. Тенденции трансформации преступности террористического характера на фоне усложнения социально-политической ситуации / В. В. Яковлев, И. С. Чуб // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2025. – № 4 (70). – С. 16–20. – EDN: IPORXW.

[5] Country Reports on Terrorism 2024 — China // U.S. Department of State. – 2025. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2024/ (дата обращения: 09.09.2026).

[6] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[7] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (заключена в г. Шанхае 15.06.2001) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 41. – Ст. 3947.

[8] Counterterrorism Law of the People's Republic of China (adopted Dec. 27, 2015, effective Jan. 1, 2016, amended Apr. 27, 2018) // National People's Congress Observer. – URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 09.09.2026).

[9] Курочкин, И. А. Актуальные проблемы борьбы с преступлениями террористической и экстремистской направленности в КНР / И. А. Курочкин // Молодой учёный. – 2018. – № 44 (230). – С. 78–84. – URL: https://moluch.ru/th/9/archive/113/3812 (дата обращения: 09.09.2026).

[10] Галицкая, Н. В. Правовые аспекты антитеррористической безопасности: опыт современного Китая / Н. В. Галицкая // Административное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 34–46. – DOI: 10.7256/2454-0595.2022.3.38509. – EDN: THDGUS.

[11] Чжан Сяо. Обзор к Уголовному законодательству о борьбе с терроризмом и «закона о борьбе с терроризмом» Китая / Чжан Сяо // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-k-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-borbe-s-terrorizmom-i-zakona-o-borbe-s-terrorizmom-kitaya (дата обращения: 09.09.2026).

[12] The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang // State Council Information Office of the People's Republic of China: White Paper. – 2019. – March 18. – URL: http://english.scio.gov.cn/2019-03/19/content_74585093.htm (дата обращения: 09.09.2026).

[13] Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional-Executive Commission on China. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 09.09.2026).

[14] Койбаев, Б. Г. Правовые основы противодействия экстремизму и терроризму в Китайской Народной Республике / Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева // Гуманитарные и юридические исследования. – 2021. – № 4. – С. 169–174. – DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21. – URL: https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/1111 (дата обращения: 09.09.2026).

[15] Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. А. И. Чучаева, А. И. Коробеева ; пер. с кит. Хуан Даосю. – 2-е изд. – Москва : Юридическая фирма Контракт, 2021. – 312 с. – ISBN 978-5-6045252-3-4.

[16] FATF. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures in the People's Republic of China — 2019: Mutual Evaluation Report. – Paris: FATF, APG and EAG, 2019. – 260 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/MER-China-2019.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[17] FATF. People's Republic of China: Mutual Evaluation Report and Follow-Up Reports (2019–2022) // FATF: official website. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-china-2019.html (дата обращения: 09.09.2026).

[18] Казанцев, В. Е. Политика Китая по противодействию идеологии терроризма и профилактике экстремизма / В. Е. Казанцев // Инновационный потенциал молодёжи: культура, духовность и нравственность : материалы Междунар. молодёж. науч.-исслед. конф. (Екатеринбург, 2–6 дек. 2019 г.). – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 158–162. – URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/83601 (дата обращения: 09.09.2026).

[19] Королева, Л. П. Противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма как фактор обеспечения безопасности внешнеэкономического сотрудничества России с дружественными странами дальнего зарубежья / Л. П. Королева, В. А. Бубнов // Фундаментальные исследования. – 2024. – № 8. – С. 22–27.

– URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2024/8/43655.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[20] FATF re-rates China's progress on money laundering and terror financing // The Times of India. – 2022. – Nov. 30. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/fatf-re-rates-chinas-progress-on-money-laundering-and-terror-financing/articleshow/95891518.cms (дата обращения: 09.09.2026).

[21] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в действующей редакции) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

[22] Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418.

[23] Country Reports on Terrorism 2017 — China // U.S. Department of State. – 2018. – Sept. 19. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2017/ (дата обращения: 09.09.2026).

[24] Law Yearbook of China = 中国法律年鉴 / China Law Society. – Beijing: China Law Society, 2023 (издание за 2022 г.). – URL: http://njs.chinalaw.org.cn/portal/list/index/id/10.html (дата обращения: 09.09.2026); См. также: China's 2022 Acquittal Rate Lowest in Two Decades // Dui Hua Human Rights Journal. – 2023. – Sept. 13. – URL: https://www.duihuahrjournal.org/2023/09/chinas-2022-acquittal-rate-lowest-in.html (дата обращения: 09.09.2026).

[25] Отчёт о работе Росфинмониторинга за 2024 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. – URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 09.09.2026).

[26] Отчёт о работе Росфинмониторинга за 2025 год // Федеральная служба по финансовому мониторингу: официальный сайт. – URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (дата обращения: 09.09.2026).

[27] О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

[28] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма (заключена в г. Екатеринбурге 16.06.2009) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 11. – Ст. 1274.

[29] Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (заключена в г. Астане 09.06.2017) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036 (дата обращения: 09.09.2026).

[30] Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) : официальный сайт. – URL: https://eurasiangroup.org/ (дата обращения: 09.09.2026).

[31] Антитеррористическая стратегия БРИКС: утв. на XII саммите БРИКС (г. Москва, 17 ноября 2020 г.) // InfoBRICS: официальный сайт. – URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2020/2020_11_17_Russia_Moscow_XII_Summit_Declaration_ru_k.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[32] Казанская декларация XVI Саммита БРИКС (г. Казань, 23 октября 2024 г.) // Официальный сетевой ресурс Президента России. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[33] Декларация Рио-де-Жанейро XVII Саммита БРИКС (г. Рио-де-Жанейро, 6 июля 2025 г.) // Официальный сетевой ресурс Президента России.– URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

References:

[1] FATF. Guidance on Risk-Based Supervision. – Paris: FATF, 2021. – 96 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfrecommendations/Guidance-rba-supervision.html (дата обращения: 09.09.2026).

[2] The state of crime in Russia in January-December 2024/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ The state of crime in Russia in January-December 2025/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/ The state of crime in Russia in January-June 2026/PKU "Main Information and Analytical Center" of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow: Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026. – URL: https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-yanvare-iyune-2026-goda/ (дата обращения: 09.09.2026).

[3] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[4] Yakovlev, V.V. Trends in the transformation of terrorist crime against the background of a more complicated socio-political situation/V.V. Yakovlev, I.S. Chub // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2025. – № 4 (70). - S. 16-20. – EDN: IPORXW.

[5] Country Reports on Terrorism 2024 — China // U.S. Department of State. – 2025. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2024/ (дата обращения: 09.09.2026).

[6] China Terrorism Index // Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/china/terrorism-index (дата обращения: 09.09.2026).

[7] Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism (concluded in Shanghai 15.06.2001) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 41. - Art. 3947.

[8] Counterterrorism Law of the People's Republic of China (adopted Dec. 27, 2015, effective Jan. 1, 2016, amended Apr. 27, 2018) // National People's Congress Observer. – URL: https://npcobserver.com/legislation/counterterrorism-law/ (дата обращения: 09.09.2026).

[9] Kurochkin, I. A. Actual problems of combating terrorist and extremist crimes in the PRC/ I. A. Kurochkin // Young scientist. – 2018. – № 44 (230). - S. 78-84. - URL: https://moluch.ru/th/9/archive/113/3812 (access date: 09.09.2026).

[10] Galitskaya, N.V. Legal aspects of anti-terrorist security: the experience of modern China/ N.V. Galitskaya // Administrative and municipal law. – 2022. – № 3. - S. 34-46. – DOI: 10.7256/2454-0595.2022.3.38509. – EDN: THDGUS.

[11] Zhang Xiao. Review of the Criminal Law on Combating Terrorism and the "Law on Combating Terrorism" of China/Zhang Xiao // Eurasian Scientific Journal. – 2016. – № 5. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-k-ugolovnogo-zakonodatelstva-o-borbe-s-terrorizmom-i-zakona-o-borbe-s-terrorizmom-kitaya (дата обращения: 09.09.2026).

[12] The Fight Against Terrorism and Extremism and Human Rights Protection in Xinjiang // State Council Information Office of the People's Republic of China: White Paper. – 2019. – March 18. - URL: http://english.scio.gov.cn/2019-03/19/content_74585093.htm (access date: 09.09.2026).

[13] Criminal Law of the People's Republic of China // Congressional-Executive Commission on China. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 09.09.2026).

[14] Koybaev, B. G. Legal Foundations of Countering Extremism and Terrorism in the People's Republic of China B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva // Humanitarian and Legal Studies. – 2021. – № 4. - S. 169-174. – DOI: 10.37493/2409-1030.2021.4.21. - URL: https://humanitieslaw.ncfu.ru/jour/article/view/1111 (access date: 09.09.2026).

[15] Criminal Code of the People's Republic of China/under the general. ed. A. I. Chuchaev, A. I. Korobeev; per. From China. Huang Taoxu. - 2nd ed. - Moscow: Law Firm Contract, 2021. - 312 p. - ISBN 978-5-6045252-3-4.

[16] FATF. Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures in the People's Republic of China — 2019: Mutual Evaluation Report. – Paris: FATF, APG and EAG, 2019. – 260 p. – URL: https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/mer/MER-China-2019.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[17] FATF. People's Republic of China: Mutual Evaluation Report and Follow-Up Reports (2019–2022) // FATF: official website. – URL: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Mutualevaluations/Mer-china-2019.html (дата обращения: 09.09.2026).

[18] Kazantsev, V.E. China's Policy on Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism V.E. Kazantsev // Innovative Potential of Youth: Culture, Spirituality and Morality: Materials International. young people. scientific-research. conf. (Yekaterinburg, December 2-6, 2019). - Yekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2019. - S. 158-162. - URL: http://elar.urfu.ru/handle/10995/83601 (access date: 09.09.2026).

[19] Koroleva, L.P. Countering money laundering and the financing of terrorism as a factor in ensuring the security of foreign economic cooperation between Russia and friendly non-CIS countries/L.P. Korolev, V.A. Bubnov // Fundamental research. – 2024. – № 8. - S. 22-27. - URL: https://s.fundamental-research.ru/pdf/2024/8/43655.pdf (accessed: 09.09.2026).

[20] FATF re-rates China's progress on money laundering and terror financing // The Times of India. – 2022. – Nov. 30. – URL: https://timesofindia.indiatimes.com/world/china/fatf-re-rates-chinas-progress-on-money-laundering-and-terror-financing/articleshow/95891518.cms (дата обращения: 09.09.2026).

[21] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. - Art. 2954.

[22] Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism "// Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. - No. 33 (part I). - Art. 3418.

[23] Country Reports on Terrorism 2017 — China // U.S. Department of State. – 2018. – Sept. 19. – URL: https://www.state.gov/reports/country-reports-on-terrorism-2017/ (дата обращения: 09.09.2026).

[24] Law Yearbook of China = 中国法律年鉴 / China Law Society. - Beijing: China Law Society, 2023 (2022 edition). - URL: http://njs.chinalaw.org.cn/portal/list/index/id/10.html

(access date: 09.09.2026); См. также: China's 2022 Acquittal Rate Lowest in Two Decades // Dui Hua Human Rights Journal. – 2023. – Sept. 13. – URL: https://www.duihuahrjournal.org/2023/09/chinas-2022-acquittal-rate-lowest-in.html (дата обращения: 09.09.2026).

[25] Report on the work of Rosfinmonitoring for 2024 // Federal Service for Financial Monitoring: official website. - URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (access date: 09.09.2026).

[26] Report on the work of Rosfinmonitoring for 2025 // Federal Service for Financial Monitoring: official website. - URL: https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports (access date: 09.09.2026).

[27] On countering terrorism: Federal Law No. 06.03.2006 of 35-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 11. - Art. 1146.

[28] Shanghai Cooperation Organization Convention against Terrorism (concluded in Yekaterinburg 16.06.2009) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2012. – № 11. - Art. 1274.

[29] Shanghai Cooperation Organization Convention on Countering Extremism (concluded in Astana 09.06.2017) // Official Internet portal of legal information. - URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036 (access date: 09.09.2026).

[30] Eurasian Group on Combating Money Laundering and Financing of Terrorism (EAG): official website. - URL: https://eurasiangroup.org/ (access date: 09.09.2026).

[31] BRICS Anti-Terrorism Strategy: approved by at the XII BRICS summit (Moscow, November 17, 2020) // InfoBRICS: official website. – URL: https://infobrics.org/files/country/russia/documents/2020/2020_11_17_Russia_Moscow_XII_Summit_Declaration_ru_k.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[32] Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit (Kazan, October 23, 2024) // Official network resource of the President of Russia. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf (дата обращения: 09.09.2026).

[33] Declaration of Rio de Janeiro of the XVII BRICS Summit (Rio de Janeiro, July 6, 2025) // Official network resource of the President of Russia. - URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (date of reference: 09.09.2026).

